

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-15-26>

Траектории модернизации права и законодательства

А. С. Емельянов

доктор юридических наук, доцент,
заместитель директора

Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: ase722@mail.ru

Н. Н. Черногор

доктор юридических наук, профессор,
профессор Российской академии наук,
советник директора

Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: Российская академия наук,
119071, Москва, Ленинский пр-т, д. 14;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: chernogor72@yandex.ru

Trajectories of Modernization of Law and Legislation

A. S. Emelyanov

Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
34 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: ase722@mail.ru

N. N. Chernogor

Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences,
Advisor to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Russian Academy of Sciences,
14 Leninsky Ave., 119071, Moscow, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
34 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: chernogor72@yandex.ru

Поступила 15.10.2025 Принята к печати 10.01.2026

Аннотация

Современное состояние общества характеризуется многочисленными трансформационными процессами, оказывающими существенное влияние на все сферы общественной жизни. Они обусловлены глобальными вызовами и угрозами, с которыми столкнулось человечество. Поражает скорость таких изменений.

В реальном времени отмечаются те явления, которые еще недавно относились к области фантастики – цифровизация и роботизация, геномная инженерия и нейрокогнитивные технологии, иные инновации. В этих условиях право и законодательство должны не только отвечать требованию устойчивости, но также быть адаптивными и гибкими. Вместе с тем далеко не все люди успевают встраиваться в быстро меняющуюся общественную среду, могут соответствовать тенденциям времени. В результате значительно усиливаются социальные риски, все большая часть населения нуждается в поддержке и защите со стороны государства. Указанные обстоятельства обуславливают потребность в философско-правовом и теоретико-правовом осознании актуальных траекторий развития права и законодательства. Таковыми представляются: расширение сферы правового регулирования, сопряженное с возрастанием значения законодательства и возникновением наднациональных правовых порядков; сохранение государства в качестве институциональной основы правового порядка, возрастание его значения в части обеспечения безопасности личности, общества и государства; трансформация структуры права и законодательства; потенциальное преобразование права из нормативной системы в систему нормативно-когнитивную вследствие развития нейронауки и когнитивных наук, а также автоматизации правового регулирования и государственного управления.

Ключевые слова: право, законодательство, эволюция права и законодательства, траектории модернизации права и законодательства, ценность права, возрастание значения статутного регулирования (законодательства), система права, правовой порядок.

Abstract

The current state of society is characterized by numerous transformational processes that have a significant impact on all spheres of public life. They are conditioned by the global challenges and threats that humanity is facing. The speed of such changes is amazing. In real time, phenomena that until recently belonged to the realm of fiction are noted – digitalization and robotics, genetic engineering and neurocognitive technologies, and other innovations. In these circumstances, law and legislation should not only meet the requirements of sustainability, but also be adaptive and flexible. At the same time, not all people manage to integrate into the rapidly changing social environment, and they can correspond to the trends of the time. As a result, social risks are significantly increasing, and an increasing part of the population needs support and protection from the state. These circumstances determine the need for philosophical, legal and theoretical awareness of the current trajectories of the development of law and legislation. These include: the expansion of the sphere of legal regulation, coupled with an increase in the importance of legislation and the emergence of supranational legal systems; the preservation of the state as the institutional basis of law and order, increasing its importance in terms of ensuring the security of individuals, society and the state; the transformation of the structure of law and legislation; the potential transformation of law from a normative system into a normative-cognitive system due to the development of neuroscience and cognitive sciences, as well as automation of legal regulation and public administration.

Keywords: law, legislation, evolution of law and legislation, trajectories of modernization of law and legislation, the value of law, the increasing importance of statutory regulation (legislation), the legal system, the rule of law.

Право в современном обществе представляет собой ценность высшего порядка, выступая универсальным социальным регулятором, устанавливая баланс различных интересов, определяя и организуя разнообразные регуляторные, а также управленческие механизмы, служа эффективной преградой произволу и беззаконию, поддерживая общественную стабильность и обеспечивая проведение социально-экономических, политических и иных преобразований.

При этом противоречивость и неопределенность – это характеристики современного мира. Достигнутый уровень технологического развития обострил противоречия между развитием и устойчивостью; поступательным прогрессом и локальной неравномерностью развития, универсально-

стью и самобытностью, социальным неравенством и социальной справедливостью, вновь появляющимися технологиями и безопасностью. Право, как универсальная регуляторная система, в первую очередь реагирует на соответствующие вызовы. В законодательстве происходят обусловленные этими процессами значительные изменения. Именно таким образом противопоставление и единство традиций и реформ, статики и динамики в праве всегда определяли пути совершенствования законодательства [15. – С. 28].

Текущий этап общественного развития характеризуется существенными изменениями на всех уровнях правового регулирования, формированием предпосылок перехода права в новое качественное состояние. Проводимые в настоящее

время исследования направлены на определение рациональной основы вариативных прогнозов такого перехода, его временного горизонта и особенностей модернизации законодательства применительно к отдельным правовым порядкам. Уже полученные и ожидаемые результаты могут позволить не только обозначить векторы указанных изменений, но и подвести к попыткам представить возможные траектории модернизации права и законодательства. Изменения, происходящие в праве и законодательстве, могут быть охарактеризованы через выделение трех групп таких траекторий: традиционные; обозначившиеся в последние десятилетия, но уже получившие научное осознание; становящиеся очевидными и нуждающиеся в научном постижении.

На предыдущих этапах общественного развития эволюция правового регулирования характеризовалась главным образом расширением его предмета, появлением новых общественных отношений, нуждающихся в своем упорядочении посредством права и законодательства, а также их концептуализацией на доктринальном уровне, выявлением и закреплении принципов, обеспечивающих необходимый баланс между различными интересами (частными и публичными).

Данные (традиционные) векторы развития права сохраняют свое значение и в настоящее время. Правовая сфера характеризуется не только возникновением новых общественных отношений, в первую очередь обусловленных современной технологической революцией, но и потребностью в правовом регулировании отношений, которые ранее его предмет не составляли, будучи упорядочены моральными (этическими) и религиозными нормами. Остается все меньше областей общественной жизни, применительно к которым не задействованы ресурсы права [28. – С. 11].

Расширение границ правового регулирования, характеризующее текущий этап общественного развития, происходит в значительной степени через прямое вторжение позитивного права в сферу морали и религии. Примером может служить так называемая «легальная этика», развивающаяся как на международном, так и национальном уровне [28. – С. 11]. Ее проявления характерны в равной степени и для публичной, и для частной сферы. Через нее происходит формализация и систематизация этических норм. Известно множество этических кодексов и сводов этических принципов. В свою очередь их нарушение служит основанием для применения мер правового принуж-

дения. Изучение данного феномена позволило идентифицировать его в качестве особой формы расширения границ правового воздействия на общественные отношения, только «имитирующей» экспансию этического регулирования в право (морализацию права) [28. – С. 11]. В результате применения различных моделей совместного действия права с другими традиционными социальными регуляторами, «кросс-границного» режима их функционирования правовое регулирование становится все более объемным, существенно увеличивается число формализованных нормативных массивов, обеспеченных правовым принуждением. Как следствие, право проникает в область личной свободы и частной инициативы. Наиболее это характерно для правового опосредования отношений в области культуры, науки, образования, информации, экологии, противодействия коррупции, защиты конкуренции, миграции.

Расширение сферы правового регулирования обуславливает все большее усложнение процесса концептуализации права и законодательства. Их дифференциации, которая была основным вектором эволюции правовой доктрины ранее, уже недостаточно. Современные правовые теории развиваются преимущественно через анализ консолидации правового воздействия на общественные отношения, предполагающего проникновение публичного регулирования в частную сферу, а частного в публичную.

Происходит взрывное развитие тех правовых структур, которые ранее пребывали в зачаточном или латентном состоянии в силу того, что не могли быть правильно идентифицированы в прежних парадигмальных матрицах (отраслевой, разделения права на частное и публичное, общего права). Такие нетипичные правовые структуры, как антикоррупционное и антимонопольное законодательство, арктическое и военное право, некоторые другие не могли быть в полной мере охарактеризованы через их предмет и метод или охраняемые интересы. Для их научного постижения требуется новая методологическая основа, каковой является структурно-функциональный анализ, разработанный в прошлом веке представителями социологической науки [17; 37; 36; 7; 12].

Результаты проведенных ранее исследований подтверждают данное предположение. В юридической литературе уже были сформулированы и обоснованы некоторые выводы, характеризующие природу указанных правовых структур, их место в системе права, роль в консолидации его содержа-

ния и элементного состава [29; 27; 31; 32; 6]. Названные нормативные массивы имеют характер циклических (антикоррупционное и антимонопольное законодательство) или модульных (арктическое и военное право).

Первичным элементом первых являются «кросс-отраслевые» юридические нормы, которые своеобразно ведут себя внутри системы права, создают специфические связи и занимают в ней особое место, одновременно изменяя саму структуру права и законодательства. В своем развитии эти массивы не проявляют тенденции к обособлению, подобно отраслям или институтам права. Наоборот, они демонстрируют способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействовать с ними, определять их содержание, функционирование, а также векторы, траектории и темпы преобразований [29].

Достигнутый к настоящему моменту в мире в целом и в России в частности уровень общественного развития также обуславливает следующее: возрастание значения статутного регулирования (законодательства); восхождение отдельных законодательных норм на конституционный уровень и развитие конституционной основы модернизации законодательства [9. – С. 21–25]; развитие наднациональной регуляторики. Без сомнения, это феномены последних десятилетий, которые уже в значительной степени осознаны юридической наукой.

Возрастание значения законодательства – это черта, характерная не только для отечественного права и континентальных правовых систем. Она прослеживается в англо-саксонском праве [20. – С. 114] и традиционных правовых порядках. Ее проявлением в первую очередь служит общее увеличение законодательных массивов, начавшееся еще в последние десятилетия прошлого века. Например, во Франции в соответствии с Публичным отчетом за 2006 год «Правовая определенность и сложность права», подготовленным Государственным Советом Франции, только к 2000 г. было зарегистрировано 9 000 законов и 120 000 постановлений. Сложившееся положение в указанном отчете было охарактеризовано как «нормативная несдержанность» и «законодательная инфляция»¹. Анало-

гичный феномен был выявлен и немецкими учеными-юристами, назвавшими его «наводнение законов» (*Gesetzesflut*) [33. – S. 2]. Применительно к отечественному правопорядку данная проблема была обозначена еще в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25 июня 1975 г. № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства»².

Некоторые авторы видят в рассматриваемой тенденции исключительно негативные стороны (падение уровня законодательной культуры и юридической техники, снижение эффективности права) [5]. Действительно, взрывное расширение законодательных массивов иногда сопровождается несколько поспешным принятием отдельных законодательных актов. Но это «болезнь роста». Она уже в достаточной степени осознана, и начинают внедряться правовые инструменты, позволяющие преодолеть ее. Одним из них является регуляторная реформа [14].

При этом приведенный критический взгляд на складывающуюся ситуацию не учитывает объективную обусловленность резкого увеличения числа ежегодно принимаемых законодательных актов. Нельзя игнорировать новые общественные отношения, предотвращая рост количества законов. Это влечет расширение области правовой неопределенности. Кроме того, на темпы законодательного процесса в целом влияют различные социально-экономические и политические процессы. Например, анализ законотворчества в Южной Корее за период с 1948 по 2016 г. демонстрирует, что пики законодательного производства напрямую связаны с процессами демократизации общества [35]. Кроме того, динамика законодательства определяется изменениями в приоритетах общественного развития и кризисными явлениями в обществе [18].

Увеличение законодательных массивов и указанные негативные явления (падение уровня законодательной культуры и юридической техники, снижение эффективности права) находятся в более сложной причинно-следственной связи, нежели та, которая отмечается указанными авторами. Расширение сферы законодательного регулирования не всегда и не во всем влечет падение уровня законодательной культуры и юридической техники. Как правило, они остаются на том же

¹ См.: Rapport public 2006 – Sécurité juridique et complexité du droit // République Française. – URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/28120-rapport-public-2006-securite-juridique-et-complexite-du-droit> (дата обращения: 10.07.2025).

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/765708886> (дата обращения: 13.03.2026).

уровне, что и были. Вместе с тем этот уровень становится недостаточным для решения новых задач. В результате правовая доктрина и законодательная практика в настоящее время столкнулись с серьезным вызовом. Им предстоит найти те формы гармонизации правового регулирования, систематизации законодательства, государственного учета правовых актов, которые соответствовали бы возросшему значению законодательства, расширению его предмета. Первые шаги в этом направлении сделали еще наши предшественники – ученые Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (в настоящее время – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; далее – Институт)¹.

Возрастание значения статутного регулирования и расширение законодательных массивов не предполагает умаления роли иных источников права (в широком смысле). В первую очередь речь идет о правовой доктрине и судебном правотворчестве. Фактически справедливо говорить об их интеграции в законодательный процесс [23; 21]. Примером такой интеграции может служить деятельность Института, который в рамках законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации в силу прямого указания на это в его регламенте ежегодно рассматривает около 3 тыс. проектов федеральных законов и иных правовых актов, осуществляя их научно-правовую экспертизу.

В отношении временного горизонта реализации рассматриваемой траектории модернизации права и законодательства существуют разные прогнозы [26. – С. 17]. Их объединяет вариативность возможных сценариев укрепления само-

управленческих начал различных общностей и развития саморегулирования в сетевых, профессиональных и других сообществах либо пролонгации данной тенденции в результате стремления законодателя к полноте регулирования, усиления «правового романтизма» в законотворчестве и публичном управлении – при преимущественном использовании законодательной формы для преодоления любых проблем, в том числе социальных, экономических, демографических, экологических и даже технических.

Возрастание значения законодательства сопряжено с восхождением отдельных законодательных норм на конституционный уровень и развитием конституционной основы модернизации законодательства. Проведенные исследования свидетельствуют, что предыдущие этапы общественного развития (XVIII – первая половина XX в.) характеризовались как период относительной конституционной стабильности. В свою очередь завершающее десятилетие XX в. и начало XXI в. ознaменованы многочисленными конституционными реформами по всему миру, назначение, масштаб и динамика которых заметно отличаются от прежних лет [24. – С. 7–8]. Конституционное регулирование существенно расширяется. Отдельные нормы, первоначально появившиеся на законодательном уровне, получают свое конституционное закрепление. Применительно к конституционной реформе 2020 г. следует отметить, что в обновленный текст Конституции Российской Федерации были включены следующие положения: гарантирующие государственный суверенитет и территориальную целостность; обеспечивающие функционирование единой системы публичной власти (определяющие ее «дизайн»); развивающие законодательство Российской Федерации как социального государства; устанавливающие стандарты замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы.

В свою очередь, модернизация самого законодательства осуществляется на конституционной основе, развитие которой предполагает, что отдельные направления и аспекты его формирования определяются на конституционном уровне не в форме конституционных норм прямого действия, а через закрепление положений, которые должны учитываться при принятии нижестоящих нормативных правовых актов, обеспечивая единство, целостность, полноту и непротиворечивость всего

¹ Так, по инициативе И. С. Самощенко при Институте был образован Научный центр правовой информации. Его сотрудниками были не только юристы, но и математики-программисты, специалисты по техническому обслуживанию ЭВМ, лингвисты. К работе было также привлечено Пермское научно-производственное объединение «Парма», подведомственное Министерству приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Ее результатом стало введение в 1982 г. в эксплуатацию автоматизированной информационно-поисковой системы «Законодательство», которая стала передовым и на тот момент уникальным программно-аппаратным комплексом, обеспечивающим высшие органы государственной власти и управления актуальной правовой информацией [11. – С. 225–227].

законодательного массива. При этом за законодателем сохраняется весьма широкая дискреция.

Конституционная основа модернизации законодательства предполагает следующие процессы: ранжирование публичной власти и определение предметов ведения в части законодательного регулирования; гарантирование прав и свобод человека и гражданина; систематизацию законодательства; установление конституционных принципов; определение и закрепление конституционных стандартов; закрепление конституционных процедур законодательной деятельности.

В настоящее время в части реализации конституционной основы моделирования законодательства открылась проблемная зона, в отношении которой средство рассматриваемого моделирования еще только предстоит подобрать. Речь идет о преодолении технологической уязвимости человека, общества и государства. Вместе с тем в результате конституционной реформы 2020 г. данная сторона конституционного регулирования была существенно усилена. Так, в пункте «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации был закреплён принцип безопасности всех трех названных субъектов.

Реализация конституционной основы модернизации законодательства не может рассматриваться в отрыве от иных политико-правовых средств достижения данной цели. Так, конституционная реформа 2020 г. во многом стала результатом начавшихся несколько ранее федеративной и административной реформ. В свою очередь, в вопросе построения российского законодательства она предполагает реализацию в том числе через продолжение текущих административной, судебной и регуляторных реформ.

Модернизация права и законодательства также сопряжена в современных условиях с формированием и развитием наднациональной регуляторики. История государства и права демонстрирует ряд интеграционных циклов. В их рамках активизация интеграционных процессов сменяется этапом фиксации их результатов на несколько более низком уровне. В 1990-е гг., после распада социалистической системы, был достигнут наивысший интеграционный уровень – глобализация, предполагавшая политическое, экономическое, культурное, технологическое и даже юрисдикционное доминирование США практически во всем мире. В силу различных обстоятельств в настоящее время она не только резко замедлилась, по некоторым направлениям начался обратный процесс.

Человечество вошло в очередной этап фиксации. Вместе с тем для современного мира продолжают быть характерными разнообразные интеграционные процессы, приобретшие форму регионализации. В первую очередь они носят социально-экономический или политический характер, могут быть связаны с обеспечением безопасности или международной кооперацией в иных сферах. Такие процессы протекают практически на всех уровнях транснационального взаимодействия: локальном (между приграничными территориями), мезорегиональном (в рамках нескольких имеющих общую границу государств), региональном (в определенном макрорегионе планеты) и др. Они могут иметь различные правовые формы, такие как заключение международных договоров, создание международных организаций, образование зон свободной торговли или общего (единого) рынка, формирование надгосударственных (наднациональных) структур управления и иные [19. – С. 33].

Ключевую роль в указанных процессах продолжает играть международное право. Вместе с тем в некоторых случаях в рамках отдельного региона могут формироваться наднациональные структуры и надгосударственное право. Примером последнего в первую очередь служит право Европейского союза, где до последнего времени интеграционные процессы отличались наибольшей интенсивностью¹. Подчеркнем, что Европа, являющаяся в настоящее время лидером международной регионализации, в исторической ретроспективе не являлась родиной данного феномена. Более того, сложившаяся здесь Аугсбургско-Вестфальская система может считаться его антиподом. В первую очередь это явление связано с Латинской Америкой, где оно стало средством

¹ Сам Европейский союз представляет собой экономическое и политическое объединение 27 европейских государств, созданное на основании Маастрихтского договора 1992 г., вступившего в силу 1 ноября 1993 г. Он имеет очень сложную юридическую природу, предполагающую сочетание признаков международной организации (межгосударственности) и государства (надгосударственности), не являясь юридически ни тем, ни другим. При этом на основе ЕС функционируют Таможенный союз, единое пограничное пространство (Шенгенская зона) и экономический валютный союз (Еврозона). При этом состав их участников может не совпадать с составом участников ЕС, либо отдельные государства могут не входить в них, но сотрудничать с ними на особых условиях (например, Соглашение по использованию евро).

преодоления колониальной зависимости от Испании и Португалии¹. На евразийском пространстве наиболее значимым интеграционным образованием является Евразийский экономический союз, объединяющий Россию, Беларусь, Казахстан, Киргизскую Республику и Армению.

Несмотря на обозначенные процессы и отдельные проявления так называемого разгосударствления права [13. – С. 193], оно (право) по-прежнему тесно связано с государством. Эта связь не утрачена и, вероятно, не будет утрачена вследствие текущей технологической революции. Вместе с тем в ее контексте идет активная полемика. В зарубежной доктрине популяризируются идеи о том, что в XXI в. государство постепенно утратит суверенитет и монополию на создание права, а новый зарождающийся социум формирует запрос на новое право, лишенное государственной идентичности [13. – С. 203]. Данная полемика характеризуется множеством позиций: от самых маргинальных, предполагающих отказ от государства (пока соответствующие предложения высказываются исключительно в контексте виртуального пространства), до необходимости формирования наднациональных, в том числе глобальных, регулирующих и административных структур, либо обновления государства, в основе суверенитета которого будет помимо прочего лежать некая технологическая платформа [25].

Последние два подхода имеют свои практические воплощения. Так, например, в 2024 г. на Генеральной ассамблее ООН (22 сентября 2024 г.) был принят Пакт во имя будущего, включающий Глобальный цифровой договор. Фактически данный международно-правовой акт направлен на закрепление монополии отдельных транснациональных структур, которые отводят подавляюще-

му большинству стран мира роль потребителей технологических инноваций и к тому же претендуют на внешнее управление их ресурсами через некие квазимеждународные институты. Подчеркнем, что Россия, в числе 13 других стран, его не поддержала. Обоснованно предположение, что реализация названного Пакта не будет способствовать поступательному в долгосрочной перспективе общественному развитию. Напротив, даже на уровне среднесрочного прогнозирования произойдет его торможение. Кроме того, в нем под сомнение ставится сама идея государственного суверенитета.

Поиск путей модернизации государства в результате реализации технологического императива идет во всех ведущих странах мира. Достаточно вспомнить концепцию электронного правительства/государства («E-Government»)², предполагающую построение единой программно-аппаратной платформы осуществления государственной власти в США на федеральном уровне. В последние десятилетия она активно транслируется в другие страны через Организацию экономического сотрудничества и развития. Другим примером может служить Закон США о Национальной инициативе в области искусственного интеллекта (*The National AI Initiative Act*), который предусматривает формирование скоординированной на федеральном уровне программы по ускорению исследований и внедрению искусственного интеллекта для обеспечения экономического процветания и национальной безопасности. В Китае рассматриваемая тенденция проявилась через принятие Закона о кибербезопасности, нацеленного на формирование и защиту собственной технологической платформы (также Закон об интернет-безопасности КНР, кит. 中华人民共和国网络安全法).

Представляется, что реализация последнего подхода является наиболее перспективной. Для государства научно-технологическое развитие становится имманентной функцией, что уже находит свое закрепление в конституциях последнего поколения. Соответствующие положения были внесены, например, в обновленный текст российской Конституции (см. пункты «е», «и», «м» статьи

¹ Именно в этом регионе появилась старейшая региональная организация в мире – Панамериканский союз. Решение о его создании было принято на I Панамериканской конференции (1889–1890). Официальной целью создания организации был обмен экономической информацией, и при ней было учреждено Коммерческое бюро американских республик (*Commercial Bureau of the American Republics*). В 1928 г. Союз стал постоянным органом Панамериканских конференций, а возглавил его Руководящий совет. В 1948 г. Панамериканский союз становится постоянным органом Организации американских государств, а в 1970 г. переименовывается в Генеральный секретариат. В настоящее время данная организация объединяет 34 государства Северной и Южной Америки (кроме Кубы, Венесуэлы, Никарагуа).

² Она сформировалась в истеблишменте Демократической партии США в середине 1990-х гг., а свое законодательное выражение получила в 2002 г. уже при республиканской Администрации с принятием Закона об электронном правительстве (*E-Government Act (public law §§ 107 – 347)*).

71, пункт «в¹» статьи 114). Кроме того, в Российской Федерации ее бесшовной реализации должно способствовать принятие Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленного не только на установление компетенций органов государственной власти и иных организаций в этой сфере, но и обеспечение взаимодействия между ними.

Укреплению связи права с государством способствовали международная турбулентность и связанное с ней снижение авторитета международного права вследствие открытой демонстрации его избирательного применения в качестве средства продвижения экономических и геополитических интересов отдельных государств, политической ангажированности его институциональной основы, а также многочисленные кризисы текущего века («пузырь доткомов» (*Dot-com bubble*), экономический кризис 2007–2008 гг., пандемический кризис, кризис монополярного мирового порядка, обусловленные им вооруженные конфликты). Их деструктивному влиянию страны и народы противостоят, опираясь преимущественно на ресурсы национального права и законодательства. При этом наднациональные структуры не сумели своевременно предложить эффективные правовые решения. В силу этого большинство государств развивают собственные правовые стратегии преодоления кризисных явлений.

Государство, формируя законодательство, решает с его помощью политические, экономические, социальные и иные задачи общественного развития, обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан. При этом реализация правовых норм поддерживается не только государственным принуждением, которое всегда рассматривается в качестве связующего звена между правом и государством [22. – С. 13], но и всеми иными имеющимися средствами – идеологическими, организационными, экономическими, финансовыми.

В настоящее время усиливаются международная турбулентность и бифуркация, выражающиеся в конфронтации, в том числе вооруженной, стран и межгосударственных объединений, главной причиной которых выступает обострение межнациональной конкуренции, обусловленной «откатом» интеграционных процессов от глобализации, основанной на доминировании США, к регионализации с сохранением идеи государствен-

ного суверенитета. На уровне права данный откат обуславливает изменение соотношения «универсального» и национального. На смену их иерархическому соотношению приходит поиск баланса. Следует отметить, что «универсальность» не случайно взята в кавычки. Фактически так называемые универсальные ценности не являются таковыми. Они появились в рамках западной культуры и последние десятилетия навязывались другим странам и народам.

Наибольшую опасность из числа данных ценностей представляет ценность «абстрактного человека», которая игнорирует существующие социальные связи и отношения. Ее продвижение предполагает, что внимание не должно обращать на то, что у человека есть пол (который заменили гендером), что человек имеет маму и папу, сам может иметь детей, осуществляет трудовую или предпринимательскую деятельность, проявляет общественную и политическую активность. В конце концов, он имеет творческое начало, созидая некий общепольный результат. Все названные и многие другие социальные связи и отношения образуют тот феномен, который называется обществом. Оно, в свою очередь, нуждается в организующем начале, каковым традиционно выступает государство. Следовательно, права, свободы и законные интересы человека не могут быть надлежащим образом защищены, если аналогичный уровень защиты не будет предоставлен публичным интересам – интересам общества и государства.

При этом государство не только заинтересовано в защите своих интересов. Оно выступает институциональной основой обеспечения своей безопасности, а также безопасности общества и человека, формируют новые стратегии правового развития на основе поиска собственной социокультурной, национальной и правовой идентичности. Данный поиск предполагает создание оригинальных концептов соразмерности универсальных и национальных ценностей. Об этом свидетельствует обширная практика обновления национальных конституций и законодательства [24; 30; 34]. Вместе с тем процессы стандартизации права, запущенные этапом глобализации, сохраняют актуальность. Речь идет об отражении в национальном законодательстве международных стандартов в области прав человека, экологии, противодействия коррупции и отмыванию доходов, полученных преступным путем, а также некоторых других.

В результате право по-прежнему остается многомерным и многослойным, сочетающим в себе национальные, интеграционные и международные нормы. Следовательно, национальное законодательство содержательно должно продолжать учитывать данное обстоятельство. Мера сочетания юридических норм разного уровня, закрепленных в законодательстве, определяется социально-экономическими, культурными и политическими факторами, набор и особенности которых специфичны для каждого конкретного правопорядка. При этом в текущем веке право (в широком смысле слова) становится более мобильным, гибко и относительно оперативно реагирующим на кризисные ситуации. Речь идет не только об изменениях в законодательстве. Глобальные кризисы обусловили ситуативные изменения в праве, в том числе в иерархии ценностей и приоритетов в правотворчестве [15. – С. 32].

Происходит изменение самой нормативности права и законодательства. Это серьезный вызов для современной юриспруденции и не только для нее. Поиск ответа на него предполагает консолидацию усилий ученых-юристов и представителей других наук (общественных, естественных, технических). Вероятно, под воздействием достижений нейронауки и когнитивных наук и внедрения в результате этого прецизионной регуляtorики произойдет преобразование права из нормативной системы в систему нормативно-когнитивную. По оценкам ученых, использование соответствующих разработок в области правового регулирования в перспективе может привести к построению и практической реализации модели права, адаптированной к природе человека и способу функционирования его мозга, предполагающей непосредственное воздействие на него на нейронном уровне, игнорирование воли человека (отказ от свободы воли), внешнее стимулирование эмоций и мотивационных процессов.

Право с момента своего возникновения представляло собой нормативную систему (наряду с другими социальными регуляторами, такими как мораль, религия). В этом качестве оно рассматривалось учеными и практиками. Развитие нейроккогнитивных технологий ведет к преобразованию права в нормативно-когнитивную систему, а соответствующая трансформация права – к формированию иной структурной организации его системы, внутренних и внешних связей, принципов и механизмов ее построения, развития, функционирования и т. д. Практическая реализация такого мас-

штабного проекта потребует решения ряда проблем не только фундаментального, теоретического и даже мировоззренческого порядка, но и прикладного характера. Данная траектория эволюции права предполагает решение ряда фундаментальных научно-познавательных задач, связанных с установлением новой элементарной основы правового регулирования и структурных связей при его осуществлении [23].

Следует отметить, что указанная траектория развития права и законодательства обозначилась еще до того, как нейронаука и когнитивные науки вышли на свой современный уровень. Толчком к этому стала автоматизация правового регулирования и государственного управления¹ [16; 4; 3; 2]. В настоящее время она выражается помимо прочего в развитии прецизионной регуляtorики с использованием технологий *Big Data*, *Block Chain* и искусственного интеллекта. Она предполагает точечный характер регуляторного воздействия, обуславливающий переход к его индивидуализации (персонализации).

Согласие с тем, что развитие и внедрение конвергентных технологий² обуславливает некую трансформацию эволюционного уровня, предполагает необходимость ответа на ряд вопросов. Собственно, о какой эволюции идет речь – биологической, социальной или биосоциальной? Насколько предсказуемы и контролируемы ее результаты? Несут ли они благо человечеству или способствуют его гибели? Уже сама их постановка предполагает философское осмысление зарождающихся процессов, в том числе в части установления роли и места в них сферы права.

На начальном этапе данного осмысления необходимо остановиться на гибридизации предмета правового регулирования. При этом речь не идет о взаимопроникновении различных механизмов социальной регуляции – морали, религии и права – друг в друга, или возникновении новой композиции сферы правового регулирования,

¹ Основы правовой кибернетики : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. Н. С. Полевого и А. Р. Шляхова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977.

² NBIC (= Nano-, Bio-, Info, and Cognitive Sciences) – так называемая большая технологическая четверка, в которую входят: 1) нанотехнологии; 2) биотехнологии и геновая инженерия; 3) информационные и коммуникационные технологии; 4) когнитивные технологии, в том числе, когнитивные нейротехнологии. Перечисленные технологии также называют конвергентными.

включающей как типичные, так и нетипичные общественные отношения. Имеется в виду изменение в результате технологической конвергенции на уровне «наномасштаба» самой природы общественных отношений, их структуры и содержания, выражающееся в появлении принципиально нового типа социального поведения, отличного от тех, которые были присущи человеческому обществу до этого. Слияние до степени неразличимости субъекта и объекта права, соединение которых демонстрирует правовое опосредование общественных отношений, складывающихся по поводу и с участием техно-, био- и природоподобных объектов, искусственных сущностей, возникших (или созданных) в процессе их техно-, нано-, био-научного инженерного конструирования, требует принципиально новых подходов к правовому регулированию.

Отдельные проявления подобного преобразования права уже сейчас можно наблюдать на примере взаимодействия современных технологий и права. Показательна в данном случае практика использования технологии блокчейн, функционирование которой подчинено машинному (программному) коду. По сути, участники экономического оборота, использующие данную технологию, оказываются в зависимости от нее. В результате троекратно усложняется сама структура регулирования соответствующих отношений, при этом собственно социальное регулирование переплетается с регулированием техническим, когда происходит «оцифровка» межчеловеческого взаимодействия, что обуславливает потребность в техническом регулировании, которое само нуждается в формировании правовой основы. При отсутствии надлежащего правового регулирования программный код начинает оказывать мощное воздействие на содержание и характер соответствующих социальных связей и становится едва ли не главным их «определителем». В связи с этим уже сейчас на доктринальном уровне решается задача определения пределов регулирующего (определяющего, устанавливающего) воздействия программных продуктов с целью обозначить линию их соприкосновения с правом [25. – С. 59–75].

Однако цифровизация, одним из элементов которой выступает применение блокчейн-технологий, не должна и не может рассматриваться отдельно от других составляющих «большой технологической четверки». Изменяется сам человек, изменяются механизмы мышления, изменяются социальные связи. Последнее в контексте

правового регулирования наиболее важно, поскольку происходит смешение до степени неразличимости не только объектов и субъектов, но формы и содержания, то есть сами социальные связи могут приобрести характер субъекта. На данное обстоятельство сейчас мало кто обращает внимание, что может оказаться стратегическим просчетом как на доктринальном уровне, так и при реализации государственно-правовой политики. Этот феномен, отражающий нарождающиеся производственные отношения и трансформацию производительных сил, становится все более очевидным. Тем не менее он пока остается неосмысленным на доктринальном уровне.

Формирование и реализация современного технологического императива обостряет философские проблемы права, служит предпосылкой к переосмыслению не только его предмета, но и самой сущности, роли и места в современном обществе, значения в механизме общественного развития, обуславливает постановку ряда вопросов, касающихся влияния технологического прогресса на человека как базового субъекта права, на правовую реальность и действительность права, в целом на правовое бытие, что позволяет некоторым ученым заявлять о зарождении нового права – «права второго модерна» [8].

Характер текущей общественной трансформации отражается не только и, пожалуй, не столько в предметной области права. Более значимыми видятся преобразования, наблюдаемые на методологическом уровне. Для этого есть рациональные предпосылки, так как праву имманентны конвергентные начала, проявлявшие себя ранее главным образом в интеграции правовых систем, взаимном проникновении частного и публичного права, правотворчестве и правоприменении (например, в судебной деятельности, когда суд создает правовоположения при разрешении конкретного дела), нормативном и казуальном регулировании (что выражено, например, в имплементации судебных решений в законодательство), процессах возникновения циклических нормативных массивов в праве и т. п. На доктринальном уровне данная тенденция нашла свое отражение в первую очередь в интегративном подходе к пониманию самого права, позволившему преодолеть противоречия, вызванные избыточной дифференциацией правового знания [10].

Подводя итог, следует выделить следующие траектории модернизации права и законодательства: расширение сферы правового регулирова-

ния, сопряженное с возрастанием значения законодательства и возникновением наднациональных правопорядков; сохранение государства в качестве институциональной основы правопорядка, возрастание его значения в части обеспечения безопасности личности, общества и государства; трансформация структуры права и законодатель-

ства; потенциальное преобразование права из нормативной системы в систему нормативно-когнитивную вследствие развития нейронауки и когнитивных наук, а также автоматизации правового регулирования и государственного управления.

Список литературы

1. Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т. Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве российской Федерации. – М. : Юриспруденция, 2014.
2. Венгеров А. Б. Научно-технический прогресс и применение права // Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 22–28.
3. Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: теоретические проблемы. – М. : Юридическая литература, 1978.
4. Венгеров А., Лавров В. Юридическая сила машинных документов // Хозяйство и право. – 1981. – № 10. – С. 82–85.
5. Власенко Н. А., Залоило М. В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 78–89.
6. Залоило М. В. Циклический нормативный массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государственное управление. – 2019. – № 1. – С. 16–24.
7. Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. – М. : Мысль, 1969.
8. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. – URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovy-e-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 06.07.2025).
9. Конституция и модернизация законодательства : материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИД «Юриспруденция», 2021.
10. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
11. Летопись российской юридической науки : в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : ИЗиСП ; ИД «Юриспруденция», 2023.
12. Лубенченко К. Д., Матюхин А. А. О функциональном подходе к исследованию социалистического права // Методологические проблемы юридической науки : сб. науч. трудов / под ред. М. Н. Марченко. – М., 1985. – С. 6–9.
13. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 191–206.
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях» / отв. ред. А. С. Емельянов, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Контракт, 2024.
15. Научные концепции развития российского законодательства : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Норма, 2024.
16. Основы применения кибернетики в правоведении / под ред. Н. В. Витрука, Н. С. Полевого. – М. : Юридическая литература, 1977.
17. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: проблемы и перспективы. – М., 1965. – С. 25–67.

18. Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Проспект, 2022.
19. Правотворчество в условиях международной регионализации : монография / редколл.: Т. Я. Хабриева, А. С. Емельянов, М. В. Залоило; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Инфра-М, 2025.
20. Руперт Д. Прецедент в английском праве. – М., 1985.
21. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М. : ИЗИСП ; Норма ; Инфра-М, 2020.
22. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты. – М., 2021.
23. Хабриева Т. Я. Доктрина правотворчества как квинтэссенция пути в науке: к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 5. – С. 5–38.
24. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. – М. : Наука РАН, 2016.
25. Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. – М.: Норма ; Инфра-М, 2025.
26. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации // Избранные лекции Университета. Вып. 189. – СПб. : СПбГУП, 2019.
27. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.
28. Хабриева Т. Я., Габов А. В., Канустин А. Я., Черногор Н. Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3 (70). – С. 5–21.
29. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
30. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. – М., 2018.
31. Хачиров С. Р. Концептуализация эмпирического знания о циклических нормативных массивах в праве: опыт и перспектива // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 354–367.
32. Хачиров С. Р. Циклические нормативные массивы: предпосылки теоретико-правовой концептуализации // Экономика. Право. Общество. – 2024. Т. 9. – № 3 (39). – С. 46–55.
33. Fliegener O. Gesetzesflut und Paragraphendickicht – notwendige oder unnötige Erscheinung im demokratischen Rechts – und Sozialstaat? – Siegen : Vorländer, 1988.
34. Khabrieva T. La reforme constitutionnelle dans le monde contemporain. – Paris : Societe de legislation compare, 2019.
35. Lagona F., Padovano F. How does Legislative Behavior Change when the Country Becomes Democratic? The Case of South Korea // European Journal of Political Economy. – 2021. – Vol. 69. – URL: <https://hal.science/hal-03225568/document>
36. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – 1949
37. Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. New York : Free Press, 1977.